

Богатко, И. Уроки узнанного братства [Текст] : [вступительная статья к роману "Горячий снег" Ю. Бондарева] / И. Богатко // Бондарев, Ю. Горячий снег : роман / Ю. Бондарев. – М.: Худож. лит., 1988. – С. 5-10.

Счастливая судьба романа Юрия, Вондарева «Горячий снег» началась сразу после его первого издания, тому вот уже скоро двадцать лет. Книга выходила в свет неоднократно, огромными тиражами, о ней написано множество статей и диссертаций, она экранизирована и инсценирована, переведена на десятки языков, ее можно встретить в самых неожиданных уголках земли и почти никогда — на прилавках книжных магазинов, откуда она исчезает мгновенно. В чем причина такого всеобщего и прочного признания романа? Чем пленяет он воображение читателя? Какие струны в душах разных людей отзываются на него? Всякий ответ будет приблизителен и неполон, потому что никогда не объяснить до конца тайну художественности — загадку подлинного искусства. Но все же можно утверждать, что годы не властны над книгой, если автор сумел перенести в нее саму доподлинность жизни, если удалось ему обнажить связь отдельных судеб ее героев с историей народа, если, наконец, книга эта оказывается созвучной жизненно важным проблемам, всякий раз по-новому встающим перед каждым новым временем.

Успех романа был во многом обеспечен тем, что, изображая один из решающих моментов грандиозной Сталинградской битвы, писатель опирался на свой личный воинский опыт. Под Сталинградом он воевал, там был ранен, после чего прошел всю войну. Говоря о создании своих книг о Великой Отечественной войне, Ю. Бондарев особо подчеркивает то обстоятельство, что замыслы их явились из жизни, они — «от живых людей, от тех, которых встречал на войне, с которыми вместе шагал по дорогам сталинградских степей, Украины и Польши, толкал плечом орудия, вытаскивал их из осенней грязи, стрелял, стоял на прямой наводке, спал, как говорят солдаты, на одном котелке, ел пропахшие гарью и немецким толком помидоры и делился последним табаком на закрутку в конце танковой атаки». Писателей-фронтовиков заставило взяться за перо прежде всего чувство долга перед фронтовыми друзьями, ответственность перед их памятью. «Меня все время не покидало чувство, что возвращаю в жизнь тех, о которых никто ничего не знает и о которых знаю только я, и только я должен, обязан о них рассказать все», — признается писатель.

Место и время действия романа обозначены конкретно, в полном соответствии с реальными историческими фактами, хотя автор, по его словам, не ставил себе целью «дать единственный и подробный документ военных событий в районе Сталинграда и юго-западнее

Сталинграда в декабре 1942 г.». Изображая широчайшую панораму событий минувшей войны, событий, происходящих попеременно то в Ставке Главнокомандующего, то в штабе армии, то на одной из артиллерийских батарей, писатель не мог, конечно, ограничиться только собственными воспоминаниями, и изучение, во всей полноте, всей истории сражения, всех доступных документальных свидетельств сообщило роману масштабность и стереоскопичность, придало ему высокую степень истинности.

К выходу «Горячего снега» (1969) имя Ю. Бондарева было уже хорошо известно и признано. В первый ряд советских писателей его поставила во многом тогда необычная, смелая в своем новаторстве повесть 1957 года — «Батальоны просят огня», принятая поначалу с тем опасливым недоумением, с каким всегда встречаются настоящие художественные открытия. Трагедия войны, жизни человека на войне была воссоздана в ней с бесстрашной правдивостью и глубиной. Тут впервые обнаружилась способность художника «удивлять правдой» — слова критика М. Кузнецова.

Но не только ранние «военные» повести подготовили художественный мир вершинного произведения писателя о войне. Без новых творческих постижений, какими стали коллизии и образы романа «Тишина» (1962-1964) и в особенности — странно незамеченной критикой повести «Родственники» (1969), не мог бы состояться этот роман — с его более высоким уровнем обобщения, с его нравственно-социальной и философской наполненностью.

Повествуя в «Тихине» и «Родственниках» о послевоенных годах, о драматизме общественной ситуации, напряженности политической атмосферы, в которой живут герои, о поисках правды в обстоятельствах смещения норм социальной и нравственной справедливости, Бондарев поверял жизнь все тем же высоким критерием суровой правды, который всегда был главным в его творчестве. Тут не только подтвердился, но и нашел свое дальнейшее развитие основной художественный принцип Ю. Бондарева, всегда стремящегося в конкретных исторических обстоятельствах ставить такие глубокие проблемы, как несовместимость в жизни нравственного и безнравственного, свободы и насилия, и многие другие. Финалы этих произведений не стали хеппи-эндом, судьбы их героев завершаются вовсе не безоблачно-идиллически — автор указывает на трудность и продолжительность борьбы правды с ложью, добра со злом. В этих книгах, предсказавших сложности и катаклизмы предстоящей их героям жизни, содержится предчувствие многих последующих общественных борений.

Все найденное прежде диалектически соединилось, укрупнилось, достигло своего совершенного выражения в «Горячем снеге». На порядок выше стало здесь качество психологизма при изображении характеров, состоялось значительное, существенное продвижение к

более глубокому идейному осмыслению изображаемого, со всей полнотой проявилась и такая сторона дарования писателя, как способность и в частице жизни отразить существо, содержание многих свойств человеческого бытия, художественно преобразовать изображение конкретного исторического момента в особого рода символ Жизни, с ее глубинными противоречиями, страстями, с вечными вопросами о возможностях человека. «Горячий снег» стал следующим, новым и высшим этапом размышления художника над жизнью. «Эта книга — о Сталинграде и в то же время не о Сталинграде...— говорил как-то Ю. Бондарев в одной из своих бесед с журналистами по поводу романа. — Любовь и война, молодость и опыт, добро и жестокость, мужество и страдания — вот что в этой книге волновало меня».

«Горячий снег», конечно, прежде всего книга о войне, святая память героического прошлого народа, драгоценный документ народной доблести, проявленной на полях сражений против фашизма. В невыдуманных, ярких и убедительных деталях, в потрясающих подробностях рассказано в романе о противостоянии советской армии фашистскому нашествию; зримо запечатлены и узкое пространство боя, сражения одной батареи, и обстановка всей битвы, ее накал, небывалое столкновение замыслов военных стратегов, и яростная схватка рядовых воинов. Описание предельных ситуаций боя, положений между «быть» или «не быть» возбуждают в нас огромное эмоциональное напряжение. Перед нами величественная картина войны, монументальный обобщенный портрет народа-победителя. Мастерство индивидуальных психологических характеристик тут таково, что, сливаясь в единый образ воюющего за справедливое дело народа, все персонажи романа остаются с нами — каждый своей особой чертой, особым поступком. Надолго врезаются в память с великолепным мастерством написанные характеры лейтенанта Кузнецова, командующего фронтом генерала Бессонова, члена Военного совета Веснина, командира батареи Дроздовского, санинструктора Зои Елагиной... Каждой, даже подчас лишь легкими штрихами намеченной фигуре сообщен объем, художественная завершенность: будь то застенчивый Сергуненков, грубый Рубин или трогательный Касымов... Каждый оставляет зарубку в памяти, а ведь исследователями романа подсчитано, что число его действующих лиц — более шестидесяти.

Мужество и стойкость героев войны написаны здесь Ю. Бондаревым в традициях толстовского изображения человека на войне. Это от Толстого прежде всего унаследовал автор «Горячего снега» принцип подхода к человеку, находящемуся в условиях крайнего напряжения всех его сил. Но именно сам принцип. Бондарев заимствует приемы у своего великого предшественника, он четко следует своей задаче — ищет художественные способы наиболее

глубокого и точного проникновения в самые недра человеческой души, часто раскрывает ее на грани бессознательного, или, вернее, в тот момент, когда бессознательное становится фактом сознания и когда поступок есть результат их взаимосвязей и акт уже сознательной деятельности.

Может быть, к тайне художественности романа мы более всего приближаемся в те мгновения, когда участвуем вместе с автором в анализе этих связей и граней: «Со страшной силой Кузнецова ударило грудью обо что-то железное, и с замутненным сознанием, со звоном в голове он почему-то увидел себя под темными ветвями разросшейся около крыльца липы, по которой шумел дождь, и хотел понять, что так больно ударило в грудь»... «Почему шел дождь, и я стоял под липой? — подумал он, вспоминая. — Какая липа? Где это было? В Москве? В детстве?.. Что мне померещилось?» Но вокруг было «то лязгавшее, огромное, железное, что недавно неумолимо катилось на орудие, заслоняя весь мир»...

Такой анализ сращения мысли и эмоции, такое обращение со временем и пространством — из примеров своеобразия эпичности бондаревской зрелой прозы. От всей предшествующей «баталистики» «Горячий снег» отличает удачно найденный в нем способ извлекать из малого большое, из частного — общее, передавать дыхание не просто войны, но всей жизни. Поиск изобразительных возможностей в показе какого-нибудь кратчайшего мига как капли, отражающей всю сложность «моря жизни», был присущ Бондареву изначально, еще с тех лет, когда он сам не совсем ясно осознавал свои творческие возможности, особенности своего дарования. Поэтому поначалу какое-то время он и полагал самой подходящей для себя малую форму — рассказ. И неслучайно так привержен писатель своим «Мгновениям»: именно в микрожанре воплощает он свое постоянное пристрастие к мигу, микроэлементу жизни, к отражению его насыщенности. Своеобразие не только романа «Горячий снег», но и всякого произведения зрелого периода проистекает у Бондарева отсюда, все наивысшие удачи связаны с этим его качеством как художника.

«Горячий снег» — роман о героическом эпизоде в истории советского народа. В кровавом ужасе боя его герои — не пассивные страдальцы, но борцы, объединенные не предчувствием близкой смерти, а единой волей к жизни, гордым сознанием причастности к той правде, которая единственно может и должна торжествовать на земле, правде защитников справедливых идеалов, человечности. После гибели расчета, раздавленного фашистским танком, мучительно вспоминает Кузнецов о том, как страшно погибли младший лейтенант Чубариков, «с наивно-длинной, как стебель подсолнуха, шеей, с его детским жестом, когда он поспешно протирал глаза: «Землей вот запылило», и деловито точный наводчик

Евстигнеев «со спокойно-медлительной спиной, с извилистой стружкой крови, запекшейся возле уха, оглушенный разрывом». Кузнецова охватывает отчаяние оттого, что он не успел всех их хорошо узнать, полюбить. "Жутким знаком одиночества наискось торчала лопата из рыхлого бугра земли в нише — из могилы подносчика - снарядов чубариковского орудия». Самое страшное, что осознавал Кузнецов после боя, в котором погибли его товарищи, «было не в прожитом за весь сегодняшний бой, а в этой подошедшей пустоте одиночества, чудовищной тишине па батарее, будто он ходил по раскопанному кладбищу, а в мире не осталось никого».

Это сильное чувство несовместимости утрат, потерь у Бондарева с годами не только не ослабевает, но, напротив, станет более пронзительным и во многом определит трагизм звучания его последующих романов: «Берег», «Выбор», «Игра» — которые объединяются в нашем восприятии в трилогию — в силу прежде всего единства в них мироощущения целого поколения. С течением времени такие книги, как «Горячий снег», прочитываются еще и как художественные свидетельства того момента в становлении поколения, который определил все будущее оставшихся в живых, принесших с полей сражения в мирные дни такое знание о себе, о человеке, какого хватит им надолго, до конца. Вглядываясь в военное прошлое, Бондарев раскрывает содержание характера человека этого поколения, его сформировавшиеся на войне основные понятия. Это люди особого опыта страданий и мужества, узнанного в бою воистину человеческого братства. Как бы уже символического смысла исполнен эпизод, когда Кузнецов после боя встречается с Давлатяном, из-за ранения не участвовавшим в бою, испытывающим горькую, близкую к отчаянию зависть к Кузнецову. «Смутное чувство собственной взрослости охватывало Кузнецова. Они были объединены и вместе с тем разделены бесконечностью лет. Давлатян был где-то в мягкой прозрачной и приятной дали, в прежнем и прошлом, в том наивном, детском — в училище, на марше, в ночи перед боем, — он остался там. Нет, он не видел ни смерти наводчика Касымова, ни смерти Сергуненкова, ни гибели расчета Чубарикова под гусеницами танка, ни пленного немца, ни разведчика в воронке, ни в той смертельной изине сжавшейся калачиком на снегу Зои, под боком которой расплывалось темное пятно и валялся маленький, игрушечный «вальтер». Одни сутки, как бесконечные двадцать лет, разделяли их».

Мысль автора выходит здесь за пределы описанного: тому же Давлатяну, если он останется в живых, еще доведется в будущих боях испытать себя, познать меру своих сил, способности к преодолению. Тут мысль — о черте, разделяющей людей на тех, кто прошел и выдержал испытание жизнью, и тех, для кого такое испытание еще впереди, и — о времени становления поколения, которое изучается в «Горячем снеге» в возможных подробностях, с целью увековечить

каждую минуту. В сутках боя будто уместилась вся война, а «узнанное в то мгновение братство» стало самым важным в опыте этого поколения.

Эта книга открыта в будущее. «Мы писали о человеке, очутившемся в самой нечеловеческой обстановке. Мы искали в нем силы преодоления самого себя и в жестокие дни искали добро и пытались увидеть будущее», — скажет впоследствии Ю. Бондарев, размышляя о гуманистическом значении литературы о войне. «Мы помним о войне, потому что человек величайшая ценность данною мира, а его мужество и свобода его — это освобождение от страха, от зла, которое разъединяет людей». Чем дальше в глубь лет, тем яснее и весомее становится мысль романа — о человеческом братстве. Чувство душевной близости, братства — это величайшее человеческое чувство — в сердечном единении Кузнецова с Касымовым, в том отчаянии, которое охватывает его при виде трагической беспомощности посланного Дроздовским на бессмысленную смерть Сергуненкова, в потрясении от гибели каждого, кто только что сражался рядом. Об этом и вся история с Дроздовским, в чьей натуре нет готовности и способности к единению, внутреннего жеста — навстречу другому. Ю. Бондарева, уже начиная с повести «Юность командиров» (1952—1955), постоянно занимает это различие между людьми — теми, кто несет в себе готовность к единению с другими людьми, и теми, кто не верит в необходимость и жизнеспособность этой совместности. Однажды, поясняя мысль, заложенную в характере Дроздовского, писатель заметил, что «Кузнецов и Дроздовский — не антиподы». Всегда резко отрицающий разделение героев в литературе на «положительных» и «отрицательных», он и в «Горячем снеге» предложил человеку индивидуалистических понятий пройти свой путь поиска истины. Дроздовский приходит к пониманию ложности принятой им идеи отдельности себя от других, к сознанию могущества и правоты людской общности. После боя «шел он разбито-вялой, расслабленной походкой, опустив голову, согнув плечи, ни разу не взглянув в направлении орудия... «Что-то но так с нашим комбатом, — проговорил Нечаев, пощипывая усики, глядя на бугор. — Идет, вроде слепой»...

Многие страницы отданы в романе описанию чувства единения, человеческой близости и верности? В разгар боя, когда кажется, что он проигран и все погибло, Кузнецов вдруг замечает трассы чьих-то выстрелов: «И Кузнецов с какой-то пронзительной верой в свое легкое счастье, в свое везение и узнанное в то мгновение братство вдруг, как слезы, почувствовал горячую и сладкую сдавленность в горле. Он увидел и понял: это слева орудие Уханова добивало прорвавшийся танк...» Этой общностью, этим братством и была одержана победа.

Книги о борьбе за человеческое достоинство поколения

сороковых годов, своей военной молодостью подтвердившего веру в возможность торжества человечности, в человеческое братство, становятся современными сегодня, когда мир силится выработать новое мышление, когда речь идет о том, что люди на земле либо будут жить все вместе, либо все вместе погибнут. Не исчерпаны идеалы славного поколения, время приносит подтверждение их правоты. В решение новых задач, стоящих перед людьми нового времени, включен опыт «единого братства воинского».

Ко времени написания «Горячего снега» Ю. Бондарев начал сознательно входить в сферу тех вопросов, которые называются «вечными», остающимися «неизменно актуальными на любых этапах и при любых условиях жизни человеческих обществ» (по выражению А. Твардовского, удивлявшегося, что «это слово у нас почему-то снабжается кавычками»). Интерес к этим глубинным проблемам проявился не только в повести «Родственники», но также и в публицистических выступлениях писателя конца шестидесятых годов. Время подвигало к напряженным размышлениям о жизни, об опыте прошлого и его бытовании в дне настоящем. Соприкосновение с художественными мирами Толстого и Достоевского также не могло не способствовать активности обращения писателя к проблемам мировоззренческим, к вопросам всечеловеческим. Конечно, мы видим, что в «Горячем снеге» еще нет сознательной попытки построить сюжет и образ по законам философского произведения, но безусловно тут устремление охватить изображаемый исторический момент мыслью о Жизни и Смерти. И это выводит роман за пределы проблемы гуманизма на войне, к иным горизонтам.

В произведение, посвященное изображению битвы за жизнь, неизбежно, настойчивым мотивом вторгается тема смерти. Мрачное величие смерти подчеркивает силу и волю к жизни, оттеняет красоту человеческого мужества. Тайна смерти встает перед юным Кузнецовым: «Под головой Касымова лежал снарядный ящик, и юношеское, безусое лицо его, недавно живое, смуглое, ставшее мертвенно-белым, истонченным жуткой красотой смерти, удивленно смотрело влажно-вишневыми полуоткрытыми глазами на свою грудь, на разорванную в клочья, иссеченную телогрейку, точно и после смерти не постиг, как же это убило его, и почему он так и не смог встать к прицелу...»

Из этого описания, из других эпизодов произведения, созданного за пять лет до романа «Берег» и непосредственно ему предшествовавшего, впоследствии разовьется вся тема смерти — жизни в философских романах Ю. Бондарева. Но уже эти страницы «Горячего снега» — не только о нравственном состоянии советского человека на войне. Это уже обращение художника к разуму и совести людей, стоящих на пороге ядерной войны.

«С необоримым любопытством», с «неотступным ощущением,

неудовлетворенного любопытства к вечной, необъяснимой загадке смерти» разглядывает Кузнецов убитого немца. Сама атмосфера жестокой ненависти к врагу в бондаревском изображении насквозь просвечена идеей ценности человеческой жизни, одухотворена сознанием абсурдности, нелепости войны. Тут — весь трагизм противостояния человека человеку, чудовищности кровавой бойни. «Кто его убил: я или Уханов? Чей это был снаряд? Мой или его? Что он думал, на что надеялся, когда шел на таран?» — спрашивал себя Кузнецов, разглядывая застывшее в ужасе удивления лицо мальчика-немца, испытывая едкое ощущение неприступности чужой, неразгаданной тайны, почувствовав вблизи сухой, металлический запах смерти». Кажется, и самые впечатляющие описания страшного боя, глумления над человеческой плотью и духом, над жизнью не сказали так много и сильно о противоестественности войны, насильственной смерти человека, о чудовищности самой возможности уничтожения одним разумным существом другого, как эти приведенные здесь строки.

Антифашистский пафос романа становится пафосом антимилитаристским и начинает звучать как реквием героически павшим воинам, как обвинение всем агрессивным силам, несущим опасность уничтожения жизни, войне как преступлению против человечности и человечества.

Эта книга о великом противоборстве со смертью, о противлении советских людей военного поколения злу и несправедливости, о борьбе народа, в свой срок отстоявшего жизнь на земле, вернувшего человечеству начинавшуюся было утрачиваться веру в светлый разум и добрую волю, — из тех, что помогают укреплять надежду на будущее, на то, что человечество выдержит напор зла. И когда на исстрадавшейся по покою и счастью планете восторжествует наконец жизнь без войн и человечество научится удивляться кровавым схваткам прошлого и стыдиться их, в книгах такого мощного нравственного заряда, как «Горячий снег», люди не перестанут черпать уроки стойкости и братства. Уроки веры в себя.